

**Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «...жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно...». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды...».**

## **Однажды на работе**

Когда выбирала профессию бухгалтера, мне казалось, я попаду в таинственный мир цифр и денежных знаков, однако магия так и не появилась, вместо волшебства я узнала «прелесть» монотонного кропотливого труда. Кроме неоправданных надежд, я стала обращать внимание, как эта работа меняет людей. Годы совместной работы с коллегами по отделу превратили нас в равнодушных друг другу людей. Утренний чай проходил за разговорами о бухгалтерских проводках, обеденный перерыв – о предстоящих отчетах, дни рождения – в пожеланиях о том, как дебет должен совпасть с кредитом. Да и в доме моем давно полный «штиль». Утром надо готовить завтрак, вечером бежать в продуктовый магазин, чтобы приготовить ужин, совмещая с проверкой уроков единственной дочки. Потом нужно с улыбкой встречать мужа с работы, делать вид, что все в порядке. Домашние хлопоты превратились в обязательный набор действий и операций, напоминающий затянувшийся бухгалтерский отчет. Конечно, выходя замуж, я искренне любила своего веселого внимательного Юрасика, так я ласково звала мужа. Но тринадцать лет совместной жизни изрядно притупили наши романтические отношения. Конечно, мы заботились друг о друге, но во время разлук так остро не скучали, как прежде. Да и при встрече не бросались в объятия, ограничивались лишь дежурным поцелуем.

Так монотонно, похожие один на другой, медленно тянулись мои дни. Но однажды к нам на работу секретарем устроилась молодая двадцатилетняя девчушка. Я назвала ее Рыжик за ярко-огненный цвет волос. Это имя прижилось. Рыжик сразу поразила нас своей энергией и работоспособностью. Она пришла вместо ушедшей на пенсию Аллы Владимировны, которая восемнадцать лет сидела на этом месте. С приходом новой секретарши много технической работы ушло в ее руки. Было удивительно наблюдать, как такая маленькая зеленоглазая лисичка с ямочками на щеках смогла за месяц переоборудовать приемную, копировальную, комнату отдыха, сумев расположить к

себе рабочих по зданию, давно лениво передвигающих ноги по нашему учреждению. Она «залетала» в бухгалтерию как ветер, стремительно захватывала бумаги на отправку, передавала поручения руководителя и так же шустро выбегала, оставляя после себя тонкий приятный шлейф легких духов. Ее глаза всегда искрились радостью, при встрече она была улыбкива и приветлива в общении. Со словами: «Мама сказала, что с бухгалтерией всегда нужно дружить», – часто угощала нас шоколадками и вкусными конфетами. На коллективных праздниках она увлекала присутствующих веселыми прибаутками, шутками и танцами. Элла обладала настоящим даром тамады. Я смотрела на нее и понимала, что когда-то давно тоже была такой бедовой, веселой, пробующей жизнь большими глотками. Однако кто меня такой помнил? Разве только муж...

Однажды мне пришлось задержаться допоздна на работе, нужно было сделать очередной нудный отчет, состоящий из таблиц и сводок. Рыжик осталась для того, чтобы направить эти «портянки» бумаг в нужный адрес. В конторе были только мы вдвоем. После того как мы все закончили, я предложила выпить по рюмочке коньячку за успех нашего дела. Рыжик, молча, достала откуда-то огромное яблоко, кусочек сыра, и мы сели за стол. Не успела я начать разговор, как наш «огонек» заявила мне в лоб: «Анна Сергеевна, а почему у вас глаза, будто вы похоронили кого-то?» От такой прямолинейности я даже на секундочку онемела. «Наверное, себя», – вдруг ответила я. Рыжик сделала удивленные глаза, но отступить не собиралась: «Зачем же так трагично, у вас есть муж, дочь, работа, дом, все живы и здоровы. Все ясно и понятно. За ночью придет утро...» «Вот это и бесит», – прервала ее я. Рыжик смогла найти слова, которые меня мгновенно вывели из равновесия: «ЯСНО И ПОНЯТНО». Не дав продолжить мысль Рыжика, я стала говорить все то, что давно таилось внутри меня. Как я устала от однообразной скучной работы, как мечтаю поменять свою прическу, выбросить серую одежду, научиться парикмахерскому мастерству, прыгнуть с парашютом, погладить живого дельфина. О сексуальных фантазиях пришлось промолчать, поскольку их оказалось слишком много, да и неприлично былом такое обсуждать вслух. Рыжик внимательно слушала меня, а как только я замолчала, она вдруг горько заплакала. Я не могла понять, чем обидела свою собеседницу. Подскочив к ней, я попыталась утешить, обнять ее, но сквозь слезы не расслышала ни единого слова. Тогда я в приказном тоне потребовала быстро выпить рюмочку, после чего Рыжик успокоилась и сказала, что у нее диагностировали РАК ГОЛОВНОГО МОЗГА...

После минутного оцепенения я смогла выдавить из себя: «Вот почему ты такая активная». Рыжик улыбнулась, и мы смогли продолжить разговор. Оказалось, наш «огонек» – родная дочка главного бухгалтера. Поскольку она носила фамилию отца, о родстве никто не догадался, при коллегах мать и дочь вели себя как посторонние люди. Прозвище «Рыжик», как оказалось, еще в детстве она получила от отца, который умер много лет назад. Я не знала, что наш главбух Любовь Михайловна вдова, одна вырастившая дочку. Даже странно, как у такой суровой, холодной женщины могла

получиться такая дочь – солнечная лучистая лисичка. Однако Рыжик рассказала, какой нежной и заботливой мамой была наша Любовь Михайловна, повергнув меня в очередной шок. А после Рыжик с тревогой в голосе объяснила, что старается каждый день сделать так, чтобы оставить след в душах людей, но у нее никогда не будет семьи и детей, а уж тем более такой стабильности, где все ЯСНО И ПОНЯТНО. После ее откровенных слов мне стало стыдно за свою слабость. Девчонка только начала узнавать жизнь и уже с ней прощается. А я – здоровая молодая женщина страдаю оттого, что муж год назад последний раз дарил цветы... или потому, что не провела ладонью по спине дельфина. Мы проговорили еще час и условились на будущих выходов вместе с инструктором полетать на параплане. Так и сделали...

Дома я сказала, что нужно сделать дополнительную отчетность и отправилась на самую высокую сопку нашего города, где ждала меня Рыжик и два крепких инструктора. Забралась наверх, у меня перехватило дыхание от высоты, но отказываться было поздно, да и стыдно. Рыжик ждала меня уже в шлеме. От нетерпения она подпрыгивала, как ребенок, которому вот-вот должны купить мороженое. Все подготовительные процедуры были пройдены, инструктаж получен, и мы побежали...

Парашют, поймав порыв ветра, наполнился воздухом и оторвался от земли. Посмотрев вниз, я поняла, что больше не чувствую скуки. Мне было безумно страшно и невероятно интересно очутиться в воздухе, как свободная птица. Зрители с земли сказали, что полет занял не больше десяти минут, но по моим ощущениям я пролетела несколько лет жизни. Инструктор мастерски приземлился. От переизбытка чувств, а может из-за холодного ветра, по моим щекам катились слезы. Инструктор смеялся, он сказал, что никогда не слышал, чтобы люди так громко кричали, но своего крика я не слышала, наверное, из-за шлема. Мне казалось, я, просто выкрикивала слово «мамочки». По раздающемуся сверху крику я поняла, что мой Рыжик приближается к земле. После того как она освободилась от снаряжения, мы обнялись как родные и наперебой стали делиться своими впечатлениями, а потом пошли в кафе «снять» стресс. Вечером домой я вернулась веселая и счастливая. Готовить мне было лень, из кафе я захватила ужин домочадцам и бутылочку хорошего вина. Про полет я рассказать не решилась, ведь уже соврала, что была на работе. А причину хорошего настроения объяснила успешно сданным отчетом. Дочь, увидев мое приподнятое расположение духа, вдруг решила пооткровенничать со мной и рассказала, что в школе уже месяц ходит на курсы юных стилистов. Я была поражена, что дочь молчала столько времени. Мне вдруг стало страшно оттого, что между нами появились тайны, но ругаться не стала, похвалила за новое увлечение, попросила научить меня всему, что она узнает на курсах.

С трудом дождавшись понедельника, я почти первой прибежала на работу. Но всегда

пунктуальный Рыжик не появилась к началу рабочего дня. Я запаниковала, мне друг стало страшно, что полет на парашуте, придуманный мной, мог спровоцировать ухудшение здоровья бедной девочки. Я металась по кабинету и ругала себя за безответственность. К одиннадцати часам я не выдержала и отправилась к главному бухгалтеру выяснить, что случилось. Когда я заскочила в кабинет, Любовь Михайловна невозмутимо перекладывала документы на столе. «Аня, что случилось? У тебя вид побитой собаки», – спросила она. Я отдышалась и сказала, что знаю о том, что Рыжик ее дочь. Та вдруг вскинула на меня глаза и со страхом произнесла: «Анечка, об этом никто не должен знать, Вы же в курсе, что наш руководитель не терпит родства на работе. Я прошу вас сохранить эту тайну. Моей девочке и так не везет. Но поймите меня правильно, без этой работы мы не сможем оплатить операцию». Я успокоила главбуха, сказав, что не за разоблачением пришла, мне нужно знать, где Эллочка сейчас. Испуганная мать выдохнула и сказала, что секретарю было поручено съездить в аэропорт встретить важного человека. Тогда выдохнула и я. На вопрос, что мне нужно от Эллы, я ответила, что просто волнуюсь, ведь без нее очень пусто в приемной нашего учреждения.

Когда Рыжик вернулась, я рассказала ей о своем волнении. Она посмеялась, назвала меня мамулей и предложила повторить прыжок. На расспросы о самочувствии Рыжик отшутилась, сказав, что никогда себя так хорошо не чувствовала. В следующую субботу мы снова парили как птицы.

На конкурсе в школе Рыжик согласилась стать моделью моей дочери. Эта талантливая пара победила. Через неделю Элла записала нас на курсы скалолазания. Я, правда, так и не поняла зачем, но было весело. Всего месяц прошел с того разговора на работе, а я уже не узнавала себя. Дочь посоветовала мне новый стиль в одежде, Рыжик разукрасила все вокруг. Я покоряла какие-то горы, прыгала на батуте, летала на парашуте, научилась плавать и поняла, что по-настоящему счастлива. Но мужу я так и не открылась, не смогла рассказать о своих увлечениях. Мне казалось, он не поймет, оттолкнет или просто начнет насмешничать. Но потом оказалось, он видел во мне перемены, однако решил, что у меня появился мужчина. Спустя два месяца муж устроил фейерверк ревности, собрал вещи и уехал жить к своим родителям. Я даже не стала его удерживать. Когда за ним захлопнулась дверь, мне стало даже легко, потому как не надо врать, придумывать, куда хожу, чем занята, о чем думаю.

Дочери объяснила, что папе позарез нужно пожить одному. И снова полеты, прыжки, погружения. Так прошло еще несколько месяцев. Мы окончательно подружились с мамой Эллы. У коллег я научилась выпытывать тайны души, какие книги они читают, какие фильмы любят. Мои сотрудники оказались очень интересными людьми. Но мне не давало покоя болезнь Рыжика, и я просила ее заново пройти обследование. Наконец-то

упрямица сдалась, но с одним условием, чтобы моя дочь подстригла ее очень коротко, поскольку, если назначать химиотерапию, то лучше избавиться от волос сейчас, чтобы не видеть, как те клочьями выпадают от расчесывания. Дочери говорить про болезнь не стали. Предупредили, что ей просто доверяют целую рыжую копну волос Эллы. Дочь светилась от счастья. Она с деловым видом предложила клиенту присесть. Закрыла плечи Рыжика специальной накидкой и принялась задумчиво рассматривать свою модель. С Любовью Михайловной мы пошли на кухню. Наши слезы могли испортить общее игривое настроение. Через сорок минут к нам вышла симпатичная совсем молоденькая девчушка с аккуратным «гаврошем» на голове. Мы поаплодировали мастеру, вместе попили чаю и разошлись.

Обследование заняло целую неделю, еще десять дней мы ждали результатов анализов. Это были самые длинные дни моей жизни. Любви Михайловне я рассказала, как ее дочь смогла изменить мою жизнь, как вовремя оказалась рядом. На что мама ответила, что благодаря мне Элла на работе прыгала и шутила, а дома закрывалась в комнате и рыдала навзрыд. И только с моим появлением Рыжик стала по-настоящему «летать».

Утром назначенного дня Любовь Михайловна попросила зайти в ее кабинет. В кресле напротив сидела заплаканная Элла. У меня все оборвалось внутри. Рыжик не стала меня долго мучить и сказала, что опухоль уменьшилась до величины горошины и не является злокачественной. Ей назначили поддерживающую терапию без разрушительных препаратов. Я запищала от счастья как девчонка, только остриженные волосы было жалко. Потом стали все плакать, благодарить друг друга, расцеловались и вернулись на свои рабочие места. Остальным сказали, что крики из кабинета главбуха были слышны, потому что квартальные отчеты успешно прошли в контролирующие органы.

После работы я купила мороженого и пошла домой. У подъезда стоял муж с огромным букетом роз. Увидев его, я поняла, что по-настоящему соскучилась по нему и все еще люблю своего Юрасика. Но сразу сдаваться я не собиралась, а встретила колкостью: «Ты забыл какие-то вещи забрать?» На что он совершенно спокойно ответил, что знает, чем я живу, и про Эллу тоже. Любовь Михайловна нашла его место работы и все объяснила, хотя он и сам все разузнал. Тогда я спросила, почему он раньше не вернулся. На что муж ответил, что должен был придумать, чем меня покорить снова. Из большой сумки он достал необычную вазу для цветов, которую сделал сам, записавшись на мастер-классы то ли по лепке, то ли по гончарному делу. Я была потрясена. Прощения друг у друга мы просили уже в нашей спальне, уставшей от ночей без любви.

P.S. Рыжик влюбилась в инструктора-парапланериста и через год вышла за него замуж. Прическу на свадьбу делала моя дочь. Еще через год у них родилась дочь, которую назвали в честь меня Анной. Я так и не смогла убедить Любовь Михайловну, что не имею отношения к спасению Рыжика. Просто в один момент мы с ее дочерью искренне захотели жить. С мужем мы больше не расставались, но стали спорить, что лучше – заниматься подводным плаванием или парапланеризмом. Он оказался способным дайвером, я хорошо управляюсь с парапланом. Еще одна моя мечта сбылась. Мне удалось погладить спину дельфина. Это случилось во время нашей поездки в Крым. Моя дочь увлеклась скалолазанием. В кого спрашивается, уродилась?

***Ариша ЗИМА***